

ОТЗЫВ

о диссертации Ирины Венадьевны Башковой «Теоретические основания русской семантической персонологии: объект и метод», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык

Название диссертации Ирины Венадьевны Башковой поначалу может ввести в заблуждение и вызвать определенные сомнения и даже некоторое смущение. Первая ассоциация, которая приходит в голову в связи с сочетанием – «семантическая персонология», – это ассоциация с «функционально-семантическим полем персональности» в функциональной грамматике в духе А.В. Бондарко, когда исследуются личные местоимения, различные типы односоставных предложений (определенно-личные, неопределенно-личные и т. д.) и тому подобные явления. Другая возможная ассоциация – с обозначениями лиц, как самыми общими (такими, как *человек, лицо, личность, персона, особа, индивид*), так и конкретными (названиями лиц по профессии, по свойствам, по родственным отношениям и т. д.). Следует сказать, что это второе понимание уводит нас в сторону не так далеко: в работе И.В. Башковой из четырех глав диссертации две заключительные главы посвящены именно номинациям лиц в текстах изучаемых носителей языка. Но название направления, разрабатываемого И.В. Башковой, связано не с этим, а с тем, что в центре ее внимания находится языковая личность. Сочетание «русская семантическая персонология» означает изучение языковых личностей отдельных носителей русского языка с точки зрения особенностей семантики используемых ими языковых единиц.

Следует отметить очевидную актуальность темы исследования. Автор стремится реконструировать семантические особенности идиолекта отдельной языковой личности по возможности во всей полноте как единую систему и выявить языковую картину мира (ЯКМ) соответствующего идиолекта (в центре внимания оказывается языковая личность писателя Виктора Астафьева, изучаемая в сопоставлении с языковыми личностями писателей Валентина Распутина и Василия Шукшина).

Сказанное определяет теоретическое значение работы. Обычно под ЯКМ принято понимать систему представлений о мире, которую язык подсказывает своим носителям. Механизмы формирования ЯКМ связаны с тем, что соответствующие представления содержатся в неассертивных компонентах высказывания: пресуппозициях, коннотациях, фоновых сведениях. Эти компоненты в обычных условиях общения не попадают в фокус внимания и потому не

подвергаются сомнению участниками коммуникации. Можно сказать, что ЯКМ едина для всех носителей соответствующего языка в той мере, в какой совпадают неассертивные компоненты используемых ими языковых выражений, а в меру их несовпадения ЯКМ подвержена диахроническому, социальному, региональному и даже личностному варьированию. В этом смысле исследование языковых картин мира идиолектов отдельных языковых личностей и выявление «персонспецифичных» элементов соответствующих ЯКМ может позволить установить пределы такого варьирования.

В то же время, поскольку исследуются ЯКМ творческих личностей, реконструируемые на основе их художественных текстов, само понятие ЯКМ нуждается в некоторой модификации. Применительно к художественным текстам ЯКМ – это не столько система представлений о мире, которую язык подсказывает носителям соответствующих идиолектов, сколько система представлений о мире, которую автор художественного произведения в неявном виде подсказывает своим читателям. Выявляя элементы таких систем, мы проникаем в те особенности художественного мира писателя, которые определяются совокупностью используемых им языковых средств. Такой подход сам по себе является новым; новизну можно видеть также в разработке ряда методов реконструкции ЯКМ идиолекта отдельного писателя.

Практическое значение исследования заключается не только в возможности разработки на его основе новых учебных курсов (на что обращает внимание автор диссертации), но и в возможности использовать его результаты в переводческой практике, а разработанные автором методы при атрибуции неатрибутированных текстов и текстов с сомнительной атрибуцией (напр., при решении проблемы авторства «Тихого Дона», да и других текстов, традиционно приписываемых Михаилу Шолохову). Правда, такое использование основывалось бы на неочевидном допущении, что ЯКМ одного писателя представляет собою вещь постоянную, не изменяющуюся от произведения к произведению. Возможно, дальнейшие исследования позволят установить критерии различения констант и переменных ЯКМ идиолектов отдельных языковых личностей.

Я, разумеется, не буду пересказывать содержание исследования, отмечу только, что структура работы в целом отвечает поставленным в ней задачам.

В первой главе рассматриваются общие вопросы исследования языковой личности (ЯЛ), излагается история их изучения, анализируются разные подходы к понятию ЯЛ. Мне лично эта глава кажется излишне теоретичной и перегруженной терминологией, за

которой никак не виден конкретный языковой материал, но это дело вкуса.

Во второй главе даются общетеоретические обоснования разрабатываемого автором направления исследований. В связи с этим обсуждаются некоторые теоретические проблемы, связанные с понятием языковой картины мира. Это можно признать целесообразным, поскольку в последнее время получил распространение некоторый скепсис по отношению к данному понятию. Здесь можно упомянуть статью А.Я. Шайкевича «Русская языковая картина мира в ряду других картинок», опубликованную в «Московском лингвистическом журнале» в 2005, а также путаную и избыточную логическими и фактическими ошибками статью А.В. Павловой «Можно ли судить о культуре народа по данным его языка?», опубликованной в электронной версии журнала «Антропологический форум» в 2012. Автор диссертации справедливо отмечает неоднородность русской ЯКМ (это, разумеется, касается и ЯКМ других языков) и в связи с этим говорит о необходимости исследования ЯКМ отдельных носителей языка. Впрочем, выражение «ЯКМ отдельного человека», приведенное в диссертации со ссылкой на О.А. Корнилова, представляется не вполне удачным. Даже в рамках изучения отдельной языковой личности такие обороты, как «фонетическая система отдельного человека», «морфология отдельного человека», «синтаксис отдельного человека», «ЯКМ отдельного человека» звучат неуклюже. Замечу, что, если речь идет о конкретном носителе языка, в особенности о писателе, такие обороты становятся более приемлемыми: точно так же, как мы можем говорить о «синтаксисе Достоевского», допустимо говорить и о «ЯКМ Астафьева».

Наибольший интерес представляют третья и четвертая глава диссертации. В них проанализирован конкретный материал, и именно они дают основание говорить о научной новизне исследования, ее теоретической и практической значимости.

В третьей главе рассматриваются наименования лиц в прозе Виктора Астафьева, Валентина Распутина и Василия Шукшина на фоне данных «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой. Можно спорить, насколько удачно выбран именно этот словарь в качестве источника фоновых данных, но как бы то ни было автором проведено интересное сопоставительное исследование словоупотребления трех названных писателей и получены нетривиальные данные касательно особенностей их ЯКМ в данной области. То, что использовался метод сплошной выборки наименований лиц из повести Виктора Астафьева «Последний поклон», ряда повестей и рассказов Валентина Распутина и рассказов

Василия Шукшина, обеспечило достоверность полученных результатов.

В четвертой главе анализируются некоторые специально выбранные наименования лиц в разных произведениях Виктора Астафьева. Выбраны были те названия лиц, в употреблении которых особенно ярко отразились специфические черты ЯЛ Астафьева. Правда, использованы далеко не все произведения Виктора Астафьева: так, автор не включил в рассмотрение повесть «Печальный детектив» (Астафьев даже назвал ее романом). Между тем именно об этой повести Александр Солженицын (который, как мы знаем, очень высоко ценил прозу Астафьева) писал: «Не создаётся авторского стиля, подхватывается язык какой придётся». Возможно, учет данных этой повести и ряда других произведений несколько модифицировал бы выводы, к которым приходит диссертант.

В целом поставленные в работе задачи оказались выполнены и цель достигнута.

В то же время хотелось бы высказать ряд критических замечаний.

Прежде всего, как я уже говорил, не вполне удачным мне представляется название разрабатываемого автором научного направления: «Русская семантическая персонология». Помимо некоторой неоднозначности, к недостаткам этого названия можно отнести то, что в нем инвертировано соотношение общего и частного. Здесь автор диссертации следует распространившемуся в последние десятилетия поветрию: обозначать отнесенность к лингвистике не опорным существительным, а прилагательным или даже первой частью сложного слова. Так, содержание английского термина *cultural linguistics* по-русски обычно передается как «лингвокультурология», в результате чего создается впечатление, что данная дисциплина относится скорее к разновидности культурологии (*cultural studies*), чем к лингвистике, а то, что многие работы, которые публикуются под маркой «лингвокультурологии», оказываются лишены какого бы то ни было лингвистического (да и вообще научного) содержания, может только усугубить это впечатление. (Подчеркну, что для таких устоявшихся терминов, как «лингводидактика» и «лингвострановедение» такой порядок следования элементов представляется вполне оправданным: лингводидактика представляет собою отрасль педагогики, а лингвострановедение – это вспомогательная дисциплина, используемая в преподавании иностранных языков.) Понятно, почему буквалистский перевод «культурная лингвистика» может казаться неудачным: может создаться впечатление, будто эта дисциплина противопоставлена какой-то другой, «бескультурной» лингвистике. Однако сочетание

«культурно-ориентированная лингвистика» представляется значительно более удачным. (Замечу, впрочем, что книга Анны Гладковой, представляющая собою выполненный самим автором перевод ее диссертации *Russian Emotions, Attitudes and Values: Selected topics in cultural semantics*, защищенной в Канберре, Австралия, называется «Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки».) Лишь то, что термины «социолингвистика», «психолингвистика» и «концептуальный анализ» прочно вошли в традицию, мешает тому, чтобы именовать их «лингвосоциология», «лингвopsихология» и «аналитическая концептология». (Последнее, впрочем, не кажется невероятным: выражение «лингвоконцептология» используется в ряде работ, в том числе цитируемых в рецензируемой диссертации.) Термин «лингвоперсонология» мне тоже кажется неудачным: точнее было бы говорить о «лично-ориентированной лингвистике», а вместо выражения «семантическая персонология» использовать оборот «лично-ориентированная семантика».

То, что в качестве объекта исследования выбраны ЯЛ трех крупных русских писателей, само по себе вполне оправданно. Однако автор ограничился художественными текстами (для Астафьева в качестве материала, описываемого в четвертой главе добавлена публицистика). Между тем понятие ЯЛ в аспекте ЯКМ предполагает не только активное, но и пассивное владение языком: важно не только то, что носитель языка подает как само собою разумеющееся в собственных речевых произведениях, то и то, что он готов считать само собою разумеющимся в том, что он слышит или читает. Для полноценного исследования ЯЛ следовало бы привлечь диалогические жанры; при отсутствии доступа к живой диалогической речи анализируемых авторов можно было бы обратиться к их переписке (впрочем, их переписка опубликована лишь в небольшом объеме), а также опубликованным интервью. Разумеется, ограничение анализируемого материала художественными текстами вполне возможно, но в этом случае следовало бы говорить не об исчерпывающем анализе ЯЛ, а лишь о подступах к нему. Здесь более уместным представлялся бы термин «идиостиль писателя», который тоже используется диссертантом время от времени.

К сожалению, некоторые формулировки в диссертации весьма несовершенны. Так, неоднократно говорится о «русской ЯЛ» (начиная с «Введения»). Далее это сочетание повторяется неоднократно, и остается непонятным, почему выбрано единственное число. Ведь пафос работы в том и состоит, что в исследовании ЯКМ нельзя ограничиваться изучением некоего «усредненного» носителя языка, а надо рассматривать идиолекты отдельных ЯЛ.

Диссертант продемонстрировал хорошее знакомство с литературой по исследуемой проблематике. Однако в библиографии обнаруживаются некоторые лакуны. Так, диссертанту, несомненно, хорошо знакома классическая книга «Язык и личность» (М.: Наука, 1989): фрагмент вступительной статьи к ней, написанный Ю.Н. Карауловым, цитируется уже на первой странице автореферата диссертации. Однако, как кажется, другие части этой книги в недостаточной мере учитываются диссертантом. Так, уже во второй части той же вступительной статьи ее автор, Е.В. Красильникова подчеркивает важность учета диалогичности для изучения ЯЛ, а затем это положение развивается в статье Т.Г. Винокур. Некоторые другие статьи сборника также содержат важные положения (напр., что для изучения ЯЛ писателя существенны не только его художественные тексты, но и устная речь). Диссертант не учитывает и книгу М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой «Русский речевой портрет» (М., 1994). Сама книга представляет собою фонохрестоматию и лишь косвенно соотносится с темой диссертации. Однако вступительная статья к книге представляет собою неплохое введение в проблематику изучения языковой личности и могло бы быть учтено в диссертации. В библиографию включена статья Дж. Серля о собственных именах. Она упоминается в работе один раз, в цитате из Н.Д. Арутюновой. В этой статье Дж. Серль формулирует некоторую разновидность «классической теории имен собственных», а именно теорию «пучка дескрипций», и именно в таком качестве она и цитируется Н.Д. Арутюновой. Но все же эта теория не является общепринятой, и для полноты картины следовало бы упомянуть классическую теорию имен собственных Б. Рассела как таковую, еще одну ее разновидность – так называемую теорию *das so-und-so Genanntsein*, а также каузальную теорию имен собственных, неоклассическую теорию и неокаузальную теорию.

Легко видеть, что высказанные замечания носят дискуссионный характер либо относятся к частностям. Они не зачеркивают общей положительной оценки работы.

Переходя к общей оценке работы могу отметить следующее (отчасти повторяя уже сказанное).

Диссертационное исследование Ирины Венадьевны БАШКОВОЙ «Теоретические основания русской семантической персонологии: объект и метод» представляет собою самостоятельное завершённое научное исследование, имеющее как теоретическое, так и практическое значение. Оно отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора филологических наук (в том числе изложенным в пп. 9-11 Положения о порядке присуждения ученых степеней ВАК России), а ее автор,

И.В. БАШКОВА заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по заявленной специальности 10.02.01 – Русский язык. Автореферат и публикации в полной мере отражают как содержание диссертации, так и основные положения, выносимые на защиту.

Алексей Дмитриевич Шмелёв,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

М. Пироговская 1, Москва

E-mail: shmelev.alexei@gmail.com

Ленинградский проспект, д. 75-А, кв. 60, Москва 125057

28 ноября 2018

И. В. Башкова
ДОСТОВЕРЯЮ

А.Б. Никитина